

Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии¹

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, через призму актуальной проблемы толкования международными и национальными судами норм права, поскольку подходы к толкованию любого юридического текста обладают фундаментальной важностью. Уже давно вопросы толкования перестали носить технический характер. От различных подходов к толкованию зависит, что понимается под демократией и народовластием, каково соотношение права и политики, каково место страны в международной системе координат. Особое внимание в статье уделяется термину и проблеме «истолкования» — одной из новелл российской Конституции. Автор обращается к вопросу о том, что понимается под «истолкованием, противоречащим Конституции»? Именно разное понимание судами одних и тех же норм, использование разных подходов к толкованию юридических текстов способно привести к коллизиям и даже конфликтам юрисдикций, приводящим к серьезным последствиям. В статье критически оценивается применение так называемого эволютивного, расширительного толкования Европейского Суда по правам человека, который побуждает государства вырабатывать в национальных правовых системах механизмы защиты от произвольных решений международного суда. Помимо эволютивного, в статье рассматриваются и иные современные подходы к толкованию: консеквентализм, текстуализм, оригинализм. Проблемы толкования рассмотрены на основе анализа практики Европейского Суда по правам человека, Суда Европейского Союза, американской и европейской юридической доктрины.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; поправки; толкование; истолкование; национальное правосудие; международное правосудие; Европейский Суд по правам человека; правовой текст; коллизии; конфликт юрисдикций.

Для цитирования: Гальперин М. Л. Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 12. — С. 181–189. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.181-189.

¹ Статья основана на выступлении автора на пленарном заседании X Московской юридической недели, международной научно-практической конференции «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки» 24 ноября 2020 г.

© Гальперин М. Л., 2020

* Гальперин Михаил Львович, доктор юридических наук, профессор факультета права НИУ «Высшая школа экономики», преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Житная ул., д. 14, стр. 1, г. Москва, Россия, 119991
info@minjust.ru

Amendments to the Constitution and Issues of Interpretation in National and International Justice²

Mikhail L. Galperin, Dr. Sci. (Law), Professor of the Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Lecturer of the Law Faculty, St. Petersburg State University
Zhitnaya ul., d. 14, str. 1, Moscow, Russia, 119991
info@minjust.ru

Abstract. The paper examines the changes made to the Constitution of the Russian Federation through the prism of the current problem of interpretation by international and national courts of the rule of law, since approaches to the interpretation of any legal text are of fundamental importance. The questions of interpretation have already ceased to be technical in nature. Different approaches to interpretation determine what the democracy and people's rule mean, the relationship between law and politics, the place of the country in the international system of coordinates. Special attention is given to the term and the problem of "interpretation" — one of the novels of the Russian Constitution. The author addresses the question of what "an interpretation contrary to the Constitution" means. It is precisely the different understanding of the same norms by the courts, the use of different approaches to the interpretation of legal texts that can lead to conflicts and even conflicts of jurisdictions resulting in serious consequences. The paper critically evaluates the application of the so-called evolutionary, broad interpretation of the European Court of Human Rights, which encourages states to develop mechanisms in national legal systems to protect against arbitrary decisions of the international court. In addition to the evolutionary one, the paper examines other modern approaches to interpretation: consequentialism, textualism, and originalism. The problems of interpretation are considered based on an analysis of the practice of the European Court of Human Rights, the Court of the European Union, American and European legal doctrine.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; amendments; interpretation; understanding; national justice; international justice; European Court of Human Rights; legal text; collisions; conflict of jurisdictions.

Cite as: Galperin ML. *Popravki k Konstitutsii i voprosy tolkovaniya v natsionalnom i mezhdunarodnom pravosudii* [Amendments to the Constitution and Issues of Interpretation in National and International Justice]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(12):181-189. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.181-189. (In Russ., abstract in Eng.).

Внесенные в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации изменения ставят перед юридической наукой и практикой ряд важных вопросов. В настоящей статье изменения, внесенные в российскую Конституцию, будут рассмотрены через призму актуальной проблемы толкования международными и национальными судами норм права.

Конституция в любой стране документ политический и идеологический. При этом Конституция остается и основным правовым актом государства. Поэтому оставим за скобками ценностный или политический анализ изменений российской Конституции и остановимся на не-

которых сугубо юридических аспектах, на тех деталях, в которых всегда и «кроется дьявол» и на которых должна строиться вся конституционная архитектура, где значим каждый элемент, каждое слово, каждый знак препинания.

Что для юриста в сфере правосудия самое важное из всех новелл Конституции? Скорее всего — термин «истолкование». Он появился в ст. 79 и 125 Конституции. Позволим себе процитировать новое второе предложение ст. 79: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Россий-

² The paper is based on the author's speech at the Plenary Session of the 10th Moscow Legal Week, the International Scientific and Practical Conference "Novels of the Constitution of the Russian Federation and the Objectives of the Legal Science" held on November 24, 2020.

ской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Сама эта норма может толковаться по-разному.

Во-первых, можно предположить, что словосочетание «не подлежат исполнению» относится не к решениям межгосударственных органов, а к самим положениям международных договоров, хотя это не следует из буквального смысла Конституции. Именно такое понимание, очевидно, стало основой для внесенных во исполнение конституционных поправок изменений в процессуальные кодексы. Например, в ст. 1 УПК РФ теперь указано: «Не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом»³.

Последняя фраза также заставляет нас задуматься, поскольку допускает как минимум три варианта толкования. Что значит «может быть установлено»? *Может быть* установлено и в другом порядке, не предусмотренном законом, либо *должно быть* установлено именно в порядке, определенном законом, либо не допускается применение международного договора в любом случае, но можно при желании, «для пущей уверенности», еще формально подтвердить наличие противоречия *до* или *после* неприменения соответствующего положения? И еще один вопрос толкования: в Конституции используется слово «исполнение», а в законопроекте об изменениях в УПК РФ — «применение».

Во-вторых, что понимается под «истолкованием, противоречащим Конституции»? Что противоречит Конституции: *результат толкования*, то есть конкретное новое юридическое правило, изложенное в решении межгосударственного органа, или *метод толкования* —

прием интерпретации нормы международного договора, или *и то и другое*?

У нас нет намерения комментировать конкретные правовые нормы. Цель — показать фундаментальную важность подходов к толкованию любого юридического текста, даже того, который с первого взгляда кажется однозначным.

В известном труде «Читая право» (Reading Law)⁴, одним из авторов которого является легендарный судья Верховного суда США Антонин Скалиа (Antonin Scalia), развернуто сформулированы по крайней мере 57 канонов (canons) для толкования текста нормативного акта. Выше, обсуждая новеллы российского законодательства, мы незаметно для себя затронули минимум 4 из перечня этих правил⁵.

Вопросы толкования уже давно не являются техническими вопросами, решение которых можно всецело оставить нашей юридической интуиции. Это вопросы, от которых теперь, в силу прямого указания Конституции, зависит соотношение международного и национального права, содержание основополагающих прав и свобод человека, место страны в международной системе координат, эффективность конституционно-правовых инструментов защиты национального суверенитета, убедительность наших доводов в диалоге с иностранными и надгосударственными юрисдикциями. Толкование уже давно стало и главным оружием в глобальной «юридической войне», как ее называют некоторые наши процессуальные оппоненты⁶.

Не секрет, что к коллизиям и даже конфликтам юрисдикций приводят не текстуальные различия в национальных конституциях и международных договорах, а разное понимание судами одних и тех же норм, использование разных подходов к толкованию юридических текстов. Так, Конституция Российской Федера-

³ Законопроект № 1036233-7 «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (текст, принятый в первом чтении) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1036233-7> (дата обращения: 24.11.2020).

⁴ Scalia A., Garner B. A. Reading Law: The Interpretation of Legal Texts. 1st ed. 2012.

⁵ Supremacy-of-Text Principle, Mandatory/Permissive Canon, Last-Antecedent Canon, Surplusage Canon (см.: Scalia A., Garner B. A. Op. cit.).

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4213985> (дата обращения: 24.11.2020).

ции и европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не просто основываются на одних и тех же идеях, но написаны одними и теми же фразами. Но смысл этих фраз искажается в результате применения так называемого эволютивного, расширительного толкования Европейского Суда по правам человека, который считает Конвенцию «живым» (living) инструментом, смысл которого может меняться со временем, независимо от того, что сказано в самом тексте нормы или что имели в виду ее создатели. Именно этот подход к толкованию, появившийся два десятка лет назад, и побудил Россию и другие страны Совета Европы вырабатывать в национальных правовых системах механизмы защиты от произвольных решений международного суда.

Свежий и показательный пример эволютивного подхода — октябрьское постановление ЕСПЧ по делу «Б. против Швейцарии»⁷. Дело касалось различия по половому признаку условий получения социальных выплат в связи с вдовством. Если вдовы с детьми могли получать выплаты без ограничения срока, то швейцарские вдовцы теряют право на выплату при достижении младшим ребенком 18-летнего возраста. Власти государства-ответчика представили документальные доказательства, что такое различие не было случайным, законодатели сознательно пошли на эту дифференциацию с учетом финансовых возможностей бюджета, социологических исследований, свидетельствующих, что мужчинам, как правило, легче, чем женщинам, вернуться на рынок труда, а также с учетом презумпции того, что мужчина несет основное бремя содержания семьи. Этот подход

был подтвержден Федеральным (Верховным) судом Швейцарии.

Однако ЕСПЧ решил, что, если на момент принятия в конце 1940-х гг. соответствующего швейцарского закона (в этот же период была принята и Конвенция о защите прав человека и основных свобод) такой подход подразумевался и допускался в течение 70 лет, то в современных условиях он более не актуален и теперь противоречит Конвенции — ее нормам, запрещающим половую дискриминацию в сфере частной и семейной жизни. При этом, безусловно, текст ст. 8 и 14 Конвенции с момента ее принятия не изменился. Похожее по фабуле известное «российское» дело в ЕСПЧ по жалобе Константина Маркина в отношении отпуска по уходу за ребенком для мужчин-военнослужащих стало одним из первых, в которых явно возник конфликт толкования содержания одних и тех же прав российским Конституционным Судом и Европейским Судом по правам человека. Развитие этого конфликта толкований по некоторым фундаментальным вопросам и привело к появлению сначала в практике Конституционного Суда России⁸, затем в федеральном конституционном законе, а теперь и в Конституции национальных правовых механизмов реагирования на такого рода коллизии. Аналогичные подходы используются и в других странах Совета Европы (Великобритании, Австрии, Италии, Германии), в которых высшие суды могут оценивать позиции международных судов, если они входят в противоречие с национальными правовыми порядками или основаны на произвольном толковании⁹.

Например, в мае 2020 г. Федеральный конституционный суд ФРГ признал неправомер-

⁷ Постановление ЕСПЧ от 20.10.2020 по жалобе № 78630/12 «Б. против Швейцарии».

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». П. 4.

⁹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. П. 4.

ными меры Европейского центрального банка, направленные на стимулирование экономики еврозоны денежными вливаниями. Это решение вошло в прямое противоречие с позицией Суда Европейского Союза, ранее посчитавшего меры допустимыми.

Германский конституционный суд отметил, что «если любое государство — член ЕС будет с готовностью заявлять о праве определить с помощью собственных судов, действительны ли акты ЕС, это может поставить под угрозу их единообразное применение. Тем не менее, если бы государства-члены полностью воздерживались от проверки в той или иной степени наличия *ultra vires* [явного превышения органом полномочий], они предоставили бы органам ЕС исключительные полномочия в отношении договоров о создании ЕС даже в тех случаях, когда ЕС принимает толкование, которое по сути равносильно внесению поправки в договор или расширению его [ЕС] компетенции. Конституционный суд ФРГ в принципе основывает свой анализ на понимании и оценке таких мер, сделанном Судом Европейского Союза. Однако это правило более не применяется, если толкование договоров о создании ЕС невразумительно и, соответственно, объективно произвольно»¹⁰.

Эволютивное толкование, которое все чаще используется международными судами, представляет собой наиболее радикальную версию толкования на основании цели или намерения автора текста (*purposivism*), притом что, как было продемонстрировано выше на примере постановления ЕСПЧ по швейцарскому делу, при таком толковании зачастую сознательно игнорируется не только буквальное значение слов юридического документа, но и явно выраженное на-

мерение его авторов. Такое толкование можно сравнить с еще одним подходом, который обозначают как консеквентализм (*consequentialism*, от англ. *consequences* — последствия). При таком подходе толкователь исходит из наиболее желательных для себя последствий интерпретации текста, что вообще, по нашему мнению, не позволяет назвать эту процедуру толкованием.

Как правило, толкованию на основе цели противопоставляется текстуальное толкование (*textualism*), согласно которому судья при толковании и применении нормативного текста должен абстрагироваться от своих собственных взглядов и ценностей, персональных предпочтений и должен действовать как «верный агент» законодателя, проводя в жизнь смысл именно тех слов, которые последний включил в текст¹¹. Как образно говорили авторы американской книги, которую мы упомянули выше, «текстуализм» в своей чистой форме не просто предписывает начинать толкование с буквального смысла текста (что характерно для многих методов толкования), но им и заканчивает. Это тот метод толкования, который использовался веками. Текстуальный метод свободен от идеологии, он может привести суд в итоге как к «либеральной», так и «консервативной» юридической позиции по конкретному делу¹².

Наиболее ярко признаки текстуализма проявляются в подходе, который называется «оригинализм» (*originalism*). Сменивший в 2016 г. в Верховном суде США умершего судью Скалиа судья Нил Горсач (Neil Gorsuch) в своей прошлогодней колонке для журнала «Тайм» (*Time*) назвал оригинализм «лучшим подходом к Конституции»¹³. Этой концепции придерживается и недавно назначенная в Верховный суд США

¹⁰ BVerfG, Judgment of the Second Senate of 05 May 2020—2 BvR 859/15. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2020/05/rs20200505_2bvr085915en.html

¹¹ См.: *Richard H. Fallon Jr.*, Three Symmetries between Textualist and Purposivist Theories of Statutory Interpretation — and the Irreducible Roles of Values and Judgment within Both, 99 *Cornell L. Rev.* 685 (2014). Pp. 686–687. Available at: URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol99/iss4/1> (дата обращения: 24.11.2020).

¹² *Scalia A., Garner B. A.* Op. cit. Pp. 16–17.

¹³ Justice Neil Gorsuch: Why Originalism Is the Best Approach to the Constitution // URL: <https://time.com/5670400/justice-neil-gorsuch-why-originalism-is-the-best-approach-to-the-constitution/> (дата обращения: 24.11.2020).

судья и профессор конституционного права Эми Барретт (Amy Coney Barrett), которая изложила ее следующими словами: «Я толкую конституцию как закон, я толкую ее текст как текст, и я исхожу именно из того значения текста, которое он имел, когда был принят. И это не мое дело — обновлять значение текста или вкладывать в него мои собственные взгляды»¹⁴. Говоря об американской конституции, отметим, то речь идет о тексте, принятом более 200 лет назад. При этом оригиналисты отвергают возможность использования при толковании текста закона пояснительных и иных подготовительных материалов, его сопровождавших, поскольку они также могут исказить буквальный смысл слов нормативного акта. Оригиналисты полагают, что если необходимо актуализировать закон, то это должен сделать сам законодатель, а не суд.

Важно отметить, что разные подходы судов к толкованию юридических текстов напрямую влияют на такие основополагающие элементы конституционного механизма, как принцип разделения властей, право на справедливый и законный суд, статус судей. От этих подходов зависит, что мы вообще понимаем под демократией и народовластием, каково соотношение права и политики.

Например, по словам самих американских судей, возможность эволютивного толкования заставляет в США оценивать кандидатов в судьи не столько с точки зрения таких традиционных критериев, как беспристрастность, знание права или профессиональная репутация, а на основании того, «смогут ли они разглядеть в конституции право на однополые браки». Таким образом, отбор судей становится политическим процессом. Люди хотят видеть на должностях судей тех, кто поменяет или не поменяет право определенным образом¹⁵. Такие подходы к назначению судей мы все чаще наблюдаем в международных трибуналах.

Очевидно, что используемые в той или иной правовой системе методы судебного толкования напрямую влияют на реализацию принципов демократии и разделения властей. Любая форма эволютивного толкования предполагает возможность вторжения власти судебной в компетенцию органов законодательных и исполнительных. Недопустима ситуация, когда несколько судей, даже весьма уважаемых и квалифицированных, заменяют собой (как это происходит в некоторых странах, включая США) сотни избранных народом членов представительного органа власти, который наделен полномочиями по изменению законодательных подходов, по выработке политических решений. В противном случае возникает риск коррозии демократической основы власти, когда судьбоносные политические решения, требующие широкого обсуждения, тщательной подготовки и высокого уровня легитимности, принимаются узкой элитарной группой¹⁶. Более того, практика расширительного толкования позволяет национальному или международному судье самому определять свою собственную компетенцию, проистекающую из закона или международного договора, то есть суд становится «судьей в собственном деле».

Указанные выше тенденции характерны не только для национальных судебных систем некоторых государств общего права, о чем откровенно говорят и сами судьи, и юристы, и политики, но и для международных трибуналов: как постоянно действующих судов, так и международных арбитражей. Не секрет, что, например, инвестиционные арбитражи, состоящие из частных лиц (арбитров), не подчиняющихся характерным для национальных систем судостроительства высоким требованиям беспристрастности и профессионализма, оценивая действия суверенных государств, все чаще претендуют на решение вопросов экономической, экологической, инвестиционной, налоговой, социальной

¹⁴ URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/oct/26/amy-coney-barrett-originalist-but-what-does-it-mean> (дата обращения: 24.11.2020).

¹⁵ *Scalia A., Garner B. A. Op. cit. P. 84.*

¹⁶ *Scalia A., Garner B. A. Op. cit. P. 83.*

политики¹⁷. При этом игнорируются не только позиции высших национальных судов и избранных парламентов, но и тот факт, что соответствующий международный договор, из которого выводит свою компетенцию арбитраж, вообще не ратифицирован государством.

В этом случае можно говорить о нарушении универсального права на законный суд, гарантированного не только национальными конституциями, но и статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Каждый имеет право на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого это дело отнесено законом. Ничто не свидетельствует о том, что этого права лишены сами государства. И речь идет о законе, принятом парламентом, а не о решении органа исполнительной власти. Соответственно, правительство своим собственным решением о подписании международного договора не может передать юрисдикцию в отношении правовой оценки собственных действий от национальных судов (включая конституционный) международному арбитражу. Согласие государства на уступку юрисдикции должно быть ясно выражено в законе, принятом демократически избранным парламентом. Временное применение таких положений в международном договоре недопустимо.

Приведенный подход не входит в противоречие с нормами международного права. Статья 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., с одной стороны, лишает государство права ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность международного договора было выражено в нарушение положения его внутреннего права, а с другой — прямо предоставляет такую возможность, если нарушение внутреннего права было явным и касалось нормы права *особо важного значения*. По нашему мнению, к таким нормам относятся положения, определяющие

основы конституционного строя, в том числе те базовые принципы и права, которые мы упомянули выше.

В приведенном контексте показательно известное дело ЮКОСа¹⁸, которое было разрешено инвестиционным арбитражем на основании не ратифицированного Россией Договора к Энергетической хартии. Это как раз тот случай, когда вопрос о юридическом толковании одного слова «стоит» почти 60 млрд долл. (размер исковых требований бывших акционеров компании). Напомню, что в ч. 1 ст. 45 Договора к Энергетической хартии предусмотрено, что его временное применение без ратификации осуществляется в той степени, в которой *такое* временное применение не противоречит конституции, законам или нормативным актам государства-подписанта. Слово «такое» в этой фразе уже было истолковано тремя разными способами. Сам арбитраж согласился с истцами и решил, что речь идет о применении договора в целом, а не его отдельных положений. Соответственно, поскольку временное применение международного договора как правовой институт известно российскому праву, все положения Договора обязательны для России, включая арбитражную оговорку. Нидерландский суд первой инстанции, изучив тексты Договора на разных языках, согласился уже с ответчиком (Россией) и постановил, что временное применение не распространяется на те положения Договора, которые отличаются от национального регулирования. Апелляционный суд, в свою очередь, пришел к неожиданному выводу, что любое положение Договора применяется, если только в национальном праве подписанта прямо не будет указано, что именно это положение Договора не подлежит временному применению¹⁹. Теперь слово за Верховным судом Нидерландов, а возможно, и за Судом Европейского Союза, если нидерландский

¹⁷ URL: <https://www.equaltimes.org/how-the-little-known-energy?lang=en#.X2NoG0tuzb1> (дата обращения: 24.11.2020).

¹⁸ Материалы по делу см.: URL: <http://yukoscase.com/>.

¹⁹ См.: para 4.5 of the Judgement of the Court of Appeal of the Hague of 18 February 2020 (case number 200.197.079/01) // URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw11337.pdf> (дата обращения: 24.11.2020).

суд обратится к нему с запросом о толковании международного договора, являющегося частью права Европейского Союза.

В заключение отметим, что мы, юристы, безусловно, умеем толковать правовые тексты. Например, правила толкования гражданско-правовых договоров не только давно существуют в доктрине, но и закреплены законодательно²⁰. Мы знаем и яркие примеры позиций международных и национальных судов, которые стали образцами взвешенного, разумного и справедливого подхода к интерпретации права.

Российские высшие суды нельзя заподозрить в необоснованном «эволютивизме». Говоря словами американских юристов, наши суды проявляют «сдержанность» (*prudence*)²¹ в разрешении вопросов, которые могут находиться в ведении других ветвей власти, и не злоупотребляют расширительным толкованием нормативных текстов, следуя букве закона.

Но это не значит, что мы не должны четко сформулировать правила, которые используются для толкования законов, определиться, как и где они должны быть закреплены. Миссия

по выработке подходов к толкованию лежит не только на судах, но на ученых, на юридической науке. Без лишнего пафоса можно сказать, что от решения этой задачи зависят будущее юридической профессии, доверие к закону и суду, уважение права, взаимопонимание и взаимодействие правовых систем.

И это вызов не только для российского права, но и для многих других юрисдикций, для международного права. Хочется верить, что возникновение острой проблемы толкования — не признак политизации, несовершенства, неполноты, фрагментации правового механизма, а скорее признак его перехода в новое качественное состояние, когда общественные отношения в силу технологических и социально-экономических факторов сегодня уже не могут быть урегулированы исчерпывающим образом. Чтобы избежать разрушительной казуистичности регулирования, нам все чаще приходится использовать общие абстрактные нормы для реализации вечной и непреходящей миссии права — обеспечения стабильности, безопасности и процветания человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Scalia A., Garner B. A. Reading Law: The Interpretation of Legal Texts.* — 1st ed. — 2012.
2. *Fallon Jr. R. H. Three Symmetries between Textualist and Purposivist Theories of Statutory Interpretation — and the Irreducible Roles of Values and Judgment within Both* // 99 *Cornell L. Rev.* — 685 (2014). — Pp. 686–687. — URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol99/iss4/1>.
3. Justice Neil Gorsuch: Why Originalism Is the Best Approach to the Constitution // URL: <https://time.com/5670400/justice-neil-gorsuch-why-originalism-is-the-best-approach-to-the-constitution/>.
4. *Tushnet M. V. Law and Prudence in the Law of Justiciability: The Transformation and Disappearance of the Political Question Doctrine* // 80 *N.C. L. Rev.* — 1203–1231 (2002). — URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/254/> (дата обращения: 24.11.2020).

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2020 г.

²⁰ Ст. 431 ГК РФ.

²¹ См.: *Tushnet M. V. Law and Prudence in the Law of Justiciability: The Transformation and Disappearance of the Political Question Doctrine* // 80 *N.C. L. Rev.* 1203–1231 (2002). URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/254/> (дата обращения: 24.11.2020).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Scalia A., Garner B. A. Reading Law: The Interpretation of Legal Texts. — 1st ed. — 2012.
2. Fallon Jr. R. H. Three Symmetries between Textualist and Purposivist Theories of Statutory Interpretation — and the Irreducible Roles of Values and Judgment within Both // 99 Cornell L. Rev. — 681 (2014). — Pp. 686–687. — URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol99/iss4/1>.
3. Justice Neil Gorsuch: Why Originalism Is the Best Approach to the Constitution // URL: <https://time.com/5670400/justice-neil-gorsuch-why-originalism-is-the-best-approach-to-the-constitution/>.
4. Tushnet M. V. Law and Prudence in the Law of Justiciability: The Transformation and Disappearance of the Political Question Doctrine // 80 N.C. L. Rev. — 1203–1231 (2002). — URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/254/> (data obrashcheniya: 24.11.2020).